

ГЛАВА 1

Первым утром нового года Веселина проснулась раньше всех в доме, а может быть, и во всем Прямычеве. В просторной избе купца Хоровита было тихо: от подполья, где вылизывал мисочки домово́й, до холодных, заваленных сеном повалуш нигде не раздавалось ни голоса, ни шороха. Домочадцы спали, утомленные вчерашним празднеством, посапывали на полатях и на лавках девять младших Хоровитовых детей. Восьмилетняя Волошка спала с зажатым в кулаке недоеденным печеньем — масляную головку у новогодней коровки она отгрызла вчера, а задняя часть осталась. Для воробьев.

Веселина выползла из-под овчинного одеяла, сунула ноги в черевьи. Печка давно погасла, изба простыла за ночь, было зябко, но Веселина прямо в рубахе шагнула к окну и нетерпеливо свинула заслонку. В щель пролился яркий дневной свет, потянуло свежим, бодрящим холодком. Не так уж часто зимой случается проспать до света, и этот день, пришедший как бы без утомительно долгого и хмурого зимнего рассвета, казался чудом, подарком богов. Веселина заторопилась одеваться. Праздничная срядя, вчера сброшенная на лавку кое-как, лежала беспорядочным ворохом белой ткани, красной вышивки, пестрой тканой тесьмы. Очелье, обшитое разноцветными стеклянными бусинами, завалилось и вовсе под лавку. Веселина тихо смеялась про себя, копаясь в ворохе одежды, поднимая вздевалку за вывороченный рукав — вот поди пойми, где тут верх, где низ! «Неудобно порты через голову надевать» — вспо-

мнилось, как говорит Громобой, и Веселина фыркнула, не в силах удержать смех. Даже эта утренняя путаница веселила ее, и одновременно томило нетерпение скорее разобраться и вырваться на улицу, к свету и свежему воздуху. Это совсем не та улица, что была вчера, — ведь пришел новый год! Казалось, за дверью избы ее ждет какое-то новое, небывалое счастье, и Веселина торопилась скорее встретиться с ним. И что за важность, если вздевалка помялась: мать не видит, а для прочих и так сойдет! Веселина была не самой опрятной девушкой в Прямычеве, но ее хорошему настроению, задору и веселью, а значит, и успехам это ничуть не мешало.

По всему дому были рассеяны следы вчерашнего празднования: остатки угощений, шкуры и берестяные раскрашенные личины, Волошкина трешотка, деревянные копыя и щиты маленьких братьев. Веселина ничуть не удивилась бы, если бы среди праздничного беспорядка на лавке (или под лавкой) у дверей, где вчера горой были навалены соседские шубы и кожухи, сейчас обнаружился бы похрапывающий Прамень-косторез или Вьюга, Нахмуров сын. Вчера посад так хорошо погулял, что многие, уж верно, смотрели новогодние вещи сны не дома, а там, где привелось упасть. А уж в доме богатого купца не было недостатка ни в угощении, ни в пиве, ни в меду, ни в браге.

На столе и сейчас еще стояла неубранная посуда. Распустив косу и дергая гребнем густые светло-русые пряди, Веселина совала в рот то огрызок пряника, то ложку холодной каши — хорошо, ничего искать не надо, все на столе! Заплетя косу и умывшись, Веселина набросила платок, полушубок и, подпоясываясь на ходу, устремилась наружу — так хотелось ей скорее впустить новый год.

Отворив дверь из сеней во двор, она немножко постояла на пороге, с радостью вдыхая воздух чудесного дня — яркого, ослепительного и свежего. Новогодняя ночь отрезала, навсегда оставила позади и хмурый месяц студен, и тоску по умирающему солнцу. Пройдя через эту священную ночь, как само солнце проходит под землей, мир вынырнул в новый светлый день, омытый и обновленный, и все в нем было пронизано тем самым ликованием и счастьем, которые проснулись в душе Веселины этим утром. За оста-

ГЛАВА I

ток ночи успел выпасть снег, и Веселина, не заставшая снегопада, ахнула от восторга. Вся прошлогодняя земная грязь: пятна золы и навоза, многочисленные перепутанные следы, щепки, осколки глиняных горшков, клочки сена, ветки и палки, оброненные личины, мочальные хвосты и бороды — все исчезло, землю покрыл пушистый, ослепительно-белый снег, и новое солнце бросало в него неисчислимые звезды. В сугробах играли красные, зеленые, синие, огненные искры, как напоминание о летней росе. До конца зимы оставалось еще три долгих месяца, но самое темное, самое тяжелое время года было позади, и дышалось легко: казалось, новая весна уже где-то рядом, рукой подать.

Ворота были не заперты и тоже, казалось, дремали. Сколько же раз им вчера пришлось отвориться, впуская гостей! Всю эту ночь на улицах было шумно и оживленно: ходили волхвы из Перунова святилища на горе и из Велесова святилища над Ветляной, за ними толпами валил народ. Соседи ходили к соседям, родичи к родичам, друзья к друзьям и даже недруги к недругам; стайками воробьев бегали дети, кто с пирогом, кто с пряником в руке. Все это кричало, пело, угощало и угощалось; на углах улиц горели костры, знаменуя возрожденное яркое солнце, молодежь водила хороводы и затевала игры. И теперь даже сами крыши домов и серые тыны казались утомленными этим неистовым весельем.

Осторожно ставя ноги на снег — жаль мять такую красоту, вот бы поверху перелететь как-нибудь! — Веселина пробралась за ворота и оказалась на улице. Двор Хоровита стоял на окраине прямичевского посада, возле вымола на берегу Ветляны, где летом приставали лабды, а сейчас виднелись десятки распряженных саней. На улице еще было пусто, и только один человек попался на глаза Веселине. Не она одна так рано поднялась! Но тут же она узнала встречного и фыркнула, в досаде даже прикрыв лицо варежкой. Ах, вовсе не Беляя хотела она увидеть, глядя в сторону Кузнечного конца!

Но ради Нового года Веселина скрыла разочарование и, сама себе сооротив досадливо-смешную рожу, тут же улыбнулась встречному. Беляй, рассудительный парень из Кузнечного конца, всюю торопился к ней, и его круглое румяное лицо, украшенное широ-

кой улыбкой, сейчас удивительно походило на праздничный блин. Заметив это, Веселина расхохоталась и не сразу сумела справиться со смехом, чтобы ответить на приветствие.

— Здравствуй, боярышня светлая! — Не понимая, чем успел так ее насмешить, Беляй остановился в двух шагах, поклонился и даже снял шапку. — Чтобы ты и в новом году была так хороша, так разумна и прилежна, так станом стройна, лицом бела и румяна...

Вид у него был смущенный, но довольный: к Веселине-то он и направлялся и теперь был рад, что она не успела никуда ускользнуть. Затихшая было девушка фыркнула снова. Беляй давно завел привычку звать ее боярышней, и если поначалу это ее смешило, то потом стало вызывать одну досаду. Вот ведь заладил — нет бы чего-нибудь новенькое придумать! И говорит-то он всегда так обстоятельно и долго, а ей трудно было выстоять на одном месте, пока он кончит свою «величальную песню». И хвалит-то он ее всегда не за то, что у нее есть на самом деле: ни особым разумом, ни домовитостью и прилежанием старшая дочь Хоровита не отличалась. И была не настолько тщеславна, чтобы упиваться пустой лестью.

— Да ладно тебе глупости болтать! — Веселина махнула рукой, не дослушав по всем правилам построенное поздравление. — Вот заладил с утра! Колядок мы вчера наслушались, до сих пор в ушах звенит. Или тебе пирожка не хватило? погоди, я тебе вынесу потом. Чего ты так рано поднялся-то? Раньше всех? Или... Где медведюшка-батюшка? Не видел его сегодня? Спит еще?

Беляй недоуменно приподнял брови. На губах его висела праздничная улыбка, но серые глаза похолодели. Веселина ядовито сощурилась: даже и обидеться толком не может! Напрасно она дразнила его разговорами о другом — Беляй делал вид, что ни о какой ревности и не слышал.

*Ты медведюшка мой батюшка,
Ты не тронь мою коровушку,
Ты не тронь мою коровушку,
Не губи мою головушку...*

— поддразнивая, стала напевать Веселина, приплясывая на снегу.

ГЛАВА I

При этом она лукаво поглядывала на Беляя, но мыслями была опять в прошедшей ночи — когда играли «в медведя». Рослый «медведь», одетый в косматую шкуру, с жутким ревом бегал по пустырю, где сходились Велесова улица и Кузнечный конец, ловя визжащих девушек. Сверкали на снегу отблески костра, бревна тынов в темноте казались дремучим лесом; орали стоящие кругом парни, гремели трешотками, и было жутко, как будто все взаправду. Веселине было жарко, точно праздничный огонь горел внутри нее, она бегала со всеми и визжала не только от веселья, но и от жути, от древнего ужаса жертвы... И сейчас еще хватывало дух, когда вспоминалось, как «медведь» поймал ее, как она барахталась изо всех сил, но не могла вырваться из его цепких и крепких, как железо, косматых лап... Как он оторвал ее от земли, и она била ногами в воздухе, визжа до хрипоты; как он бросил ее в сугроб и навалился на нее так, что она и вправду испугалась, что задавит. В лицо ей сыпалась холодная снежная пыль, а потом «медведь» откинул с головы звериную личину и стал ее целовать, и от него веяло таким жаром, что сам сугроб, казалось, должен был растопиться. И она уже не понимала, на каком она свете, и будто бы не пустырь на углу был вокруг нее, а Велесово подземелье с огненной рекой, и не Громобой, сын кузнечного старосты Вестима, обнимал ее, а сам древний бог-зверь, ежегодно приходящий за жертвой... Кровь кипела, сердце выскакивало из груди, дух замирал от восторга и ужаса. И всю ночь, даже во сне, не оставляло ее это томление, живое ощущение, будто он все еще рядом...

Вежливый и скучноватый Беляй был рядом с этими воспоминаниями бледен, как ночной светлячок рядом с солнцем. Да вот беда: богиня Лада заставляет любить, не разбирая, есть ли надежда на взаимность. Веселина была, конечно, не для Беляя, и не нужен он был ей, когда все прямичевские парни, не исключая и княжеских отроков, так и вились вокруг нее. На первый взгляд казалось, что ничего в ней особенного нет, но в Прямичеве Веселина считалась красавицей. Мягким и простым чертам ее лица до настоящей красоты многого не хватало: четкости, глубины. А еще ума. Веселину

никто не назвал бы глупой, но она никогда не давала себе труда думать. Жизнь для нее была проста, лежала впереди широкой прямой дорогой. Она редко задумывалась о завтрашнем дне — его заслоняли заботы и забавы сегодняшнего. Белое лицо, почти без румянца, только с легкой розовой тенью на щеках, всегда было открыто и ясно, и при взгляде на него каждому веяло в душу ощущением почти младенческой нежности и чистоты. Светло-серые, с голубоватым отливом глаза искрились весельем из-под пушистых, светлых, едва заметных бровей, а губы были яркими, как спелый шиповник. Красива была и коса, светло-русая, гладкая и длинная, с легким золотистым отливом, а на висках и на шее вились мягкие приятные кудряшки. Но рассмотреть всю эту прелесть было трудно, так как Веселина всегда была в движении: лицо играет, глаза стреляют по сторонам, даже коса мечется от плеча к плечу. Все вокруг ее занимало, и она постоянно, даже разговаривая с кем-нибудь, вертела головой по сторонам, как птичка. Нравом она была легка, уживчива, приветлива, но не горяча сердцем и не привязчива: ее дружелюбие как бы скользило по людям, никого не выделяя, а взгляд искал не кого бы приласкать, а чем бы позабавиться. Беляй, в общем-то, был отличным женихом: неглупым, честным и трудолюбивым. Но все эти качества имеют цену только в долгой жизни, а для Веселины, занятой сегодняшним днем, они ничего не значили. Она не была обеспокоена, как всякая девушка, поиском среди парней единственного суженого, а болтала и смеялась с любимым, с кем ей только не было скучно. Отец и мать сокрушались, видя, что их дочку, самую красивую в посаде, не так-то легко будет выдать замуж. Но Веселина только отмахивалась от уговоров и призывов быть поразумнее: судьба придет — за печкой найдет, судьбу и пешком не обойти, и конем не объехать.

Если кто-то и занимал ее больше других, то только Громобой из Кузнечного конца. Громобой был самым сильным парнем Прямычева: никто никогда еще не одолевал его в кулачных боях Медвежьего велика дня, и своей силой он славился далеко за пределами Прямычева. Всякой девушке было бы лестно поймать такого со-

ГЛАВА I

кола, но Громобой, хотя ему и сравнялось уже целых двадцать пять лет, о женитьбе не думал и обращал на Веселину мало внимания.

Посад понемногу просыпался, от дерновых и тесовых крыш потянулся вверх целый лес густых, спокойных в безветрии дымовых столбов. Скрипели ворота, где-то стучал топор, повизгивал свежий снег под ногами, отовсюду долетали веселые голоса, приветствия, поздравления. Разговаривая с Беяем, Веселина то и дело отвлекалась, чтобы поклониться кому-нибудь из проходящих мимо, а сама все постреливала глазами в Кузнечный конец. С того места, где она стояла, он был виден насквозь, видны были и яркие ворота Вестимова двора, покрытые резьбой и раскрашенные красным и синим. Створки были закрыты, и их неподвижность томила Веселину, и она нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Пока Громобой не появится, новый год для нее не придет по-настоящему.

Да и дома ли он ночевал? А что, если... задержался у кого-нибудь?

— Ну, кланяйся своим от меня! — Веселина махнула Беяю рукой и пошла по улице, но он будто не заметил, что с ним попрощались, и двинулся следом.

— А у нас еще что вчера было! — торопливо начал он, будто только что вспомнил: вот сейчас расскажет и сразу уйдет. — Ты обсмеешься! Иду я вчера от Овсеня, еще Солома был и Миловид с нами...

— Стой! — Веселина вдруг взмахнула рукой, будто отгоняя комара, и Беяй послушно замолчал.

Наверху, в небе, творилось что-то невероятное. Уже некоторое время, рассеянно слушая Беяя, Веселина посматривала вверх, но не верила глазам: казалось, дым из-за ближайшего тына застилает взор... Но нет! Воздух вдруг потемнел, ослепительное сияние снега погасло, как будто чья-то злая рука украла первый день года и сразу бросила мир в глубину вечерних сумерек. Белые облака стали густо-серыми, словно барашки вдруг обернулись волками. По улице вниз с горы хлынул стылый, резкий ветер, дернул подол, холодом прогладил щеку, точно плоской стороной лезвия ножа. По белому снегу под ногами побежали волнистые серые тени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗИМНИЙ ЗВЕРЬ

Люди на улице и у ворот прерывали разговоры и поздравления, смотрели вверх, охали, вскрикивали. Что-то черное, как пустота глубокого колодца, надвигалось на солнце и заслоняло его собой прямо на глазах окоченевших от ужаса прямичевцев. Темнота стремительно летела вниз, как губительная сеть, опутывая белый свет. В хлевах замычали коровы, заржали лошади, собаки по всем улицам подняли жуткий и жалобный вой. Небо, только что бледно-голубое и ровное, вмиг стало темным и неоглядно глубоким, каким не бывает оно ни днем ни ночью, когда взгляду препятствуют то свет, то тьма. Сейчас оно раскрылось на страшную глубину, и оттуда, как хозяева, потревоженные внезапным вторжением в жилище, остро выглянули недовольные холодные звезды.

К ногам Веселины упала и закопошилась в снегу ворона, беспомощно распластав черные крылья. Но Веселина даже не глянула на нее; прижимая руки к груди, она заворуженно смотрела вверх и не могла вздохнуть от ужаса. Черный круг сожрал уже половину солнечного лика, и от новорожденного ягненка-Хорса остался только ушибленный рог, пылающий багрянцем. Облака вокруг солнца сначала окрасились красным, словно кровь, потом налились огнем, так что невольно хотелось пригнуться, закрыть голову руками в ожидании, что сейчас на землю прольется пламенный дождь. Черная пасть тьмы все глубже заглатывала Хорса, от него оставалось так мало, что тьма вокруг стала плотной, зеленоватой, как глубокая вода. И, как вода, она душила.

— Зи... Зимний Зверь! — с трудом одолев судорогу в горле, прошептала Веселина.

Звук собственного голоса, даже такого, помог ей опомниться. С трудом сглотнув, она пыталась крикнуть, досадуя на свою беспомощность и изо всех сил стараясь ее одолеть:

— Люди! Это Зимний Зверь! Гоните его, пока все не съел! Гоните его! Гоните!

С усилием сдвинув увязшие в снегу непослушные ноги, Веселина шагнула к ближайшему тыну, сорвала с кола большую пивную корчагу, вымытую после вчерашнего пиршества, и обеими руками грохнула ее об тын. Корчага с треском разбилась, тяжелые

глиняные осколки посыпались в снег и пропали. Но люди вокруг опомнились и поняли, что нужно делать. Всхлипы сменились криками; прямичевцы кинулись по дворам, каждый хватал первое, что попадалось под руку, лишь бы могло греметь: поленья, железные сковороды, песты, котлы, разбросанные везде трешотки и рожки. Сосед Прамень молотил палкой по пустым ведрам, в раскрытых воротах гроыхало перевернутое свиное корыто. Тетка Нарядиха возле своих ворот держала в одной руке железную сковороду для праздничных блинов, а в другой — деревянную ручку-хваталку от этой же сковороды и молотила одним об другое, зажмурия от страха глаза и изредка взвизгивая.

Через улицу промчался рослый рыжеволосый парень в наброшенном на одно плечо кожухе, и ненадетый рукав кожуха летел за его спиной, едва поспевая за хозяином. Веселина заметила его краем глаза и воодушевилась, как будто его присутствие обеспечивало скорую победу. Одолев ужас, помня только, что для победы надо побольше шуметь, она металась по улице и колотила палкой по тынам и воротам, по горшкам, вывешенным на кольях на просушку, кричала во все горло, словно силилась разорвать путы тьмы, павшие на землю.

Громобой скрылся в воротах Вестимова двора, и через несколько мгновений из-за тына полетели звонкие тяжелые удары молота по наковальне. Ему ответили другие; молоты и молоточки многочисленных прямичевских кузнецов били по наковальням, по неоконченным заготовкам, по крицам, приготовленным для будущей работы.

— Гоните его! Гоните! — вразнойой кричали прямичевцы и шумом толкали прочь злого зимнего духа, раскрывшего пасть на новорожденного солнечного ягненка.

С горы, где стоял прямичевский детинец, долетел гулкий, протяжный удар, похожий на голос грома, скатился и рассыпался по улочкам и дворам посада, потом еще один и еще. Это Зней, волхв Перунова святилища, колотил в било, созывающее на священные празднества. Посадские жители оборачивались к детинцу, на лицах проступали облегчение и надежда, как если бы они слышали приближение самого Перуна.